

Г. В. СЕМЕНЧЕНКО

К ВОПРОСУ О ЦЕРКОВНО-КАНОНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В РУССКОМ СВЕТСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

(по материалам памятников XV—XVI вв.)

Став в конце X в. христианской державой, Русь неизбежно должна была подвергнуться влиянию христианских традиций (в особенности традиций константинопольской патриархии, от которой она и приняла христианство) в самых различных сферах жизни. В максимальной степени это влияние ощущалось в богослужении, организации церковной иерархии и монашества, культовом строительстве. Оно затронуло и сферу права. В конце XIII в. на русский язык перевели такие важнейшие юридические кодексы Византии, как Эклога (VIII в.) и Прохирон (IX в.)¹. Дух византийских традиций в наибольшей степени должен был ощущаться в тех сферах древнерусского права, которые были непосредственно подведомственным церковной юрисдикции, поскольку церковь являлась связующим звеном между Русью и Византией, т. е. в сфере семейно-брачных отношений, в делах о наследстве, еретичестве и т. д.²

Куда менее существенно и заметно воздействие иноземных традиций на те области древнерусского права, которые являлись прерогативой светского законодательства. Здесь преобладали законы, возникшие на местной, славянской почве, в значительной степени восходящие к нормам обычного (неписаного) права. В настоящей статье мы хотим привлечь внимание к некоторым правовым нормам, которые, несмотря на светский характер, явно возникли не на местной почве. Мы хотим указать на некоторые аспекты русского права и правовой практики XV—XVI вв., которые восходили к церковно-каноническим нормам.

Довольно известным церковно-каноническим принципом был принцип обличения виновного в чем-либо перед двумя-тремя свидетелями. «Если согрешит против тебя брат твой, пойди и обличи его между тобою и им одним: если послушает тебя, то приобрел ты брата своего. Если же не

¹ Шапов Я. Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI—XIII вв. М., 1976. Подробную характеристику Эклоги и Прохирина см.: Липшиц Е. Э. Законодательство и юриспруденция в Византии в IX—XI вв. Л., 1981.

² О церковной юрисдикции на Руси подробнее см.: Шапов Я. Н. Церковь в системе государственной власти древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965. С. 338—352. Автору настоящей статьи приходилось указывать на влияние византийского права на оформление русских завещаний (Семенченко Г. В. Византийское право и оформление русских завещаний XIV—XV вв. // ВВ. М., 1986. Т. 46. С. 164—174).

послушает, возьми с собою еще одного или двух, дабы устами двух или трех свидетелей подтвердилось всякое слово. Если же не послушает их, скажи церкви; и если и церковь не послушает, то да будет он тебе как язычник и мытарь», — гласит Евангелие (Мф. 18.15—17). «Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях», — пишет апостол Павел Тимофею (I Тимоф. 5.19—21). «Приняв одного обвиняемого, — указывают апостольские постановления, — обличи его наедине с собою, чтобы раскаялся. Если он не убедится, то укажи ему прегрешения его в присутствии двоих или троих, вразумляя его с кротостью и учением. . . Если он устами троих вас убедится, то благо ему; а если кто ожесточится, скажи церкви; а если и церковь не послушает, да будет он тебе, как язычник и мытарь». При избрании епископа требовалось «устами двух или трех свидетелей» подтвердить благонамеренность кандидата на епископство³. Показания двух-трех свидетелей считались достаточным основанием для казни богохульников и еретиков: «Если кто отвержется закона Моисея при двух или трех свидетелях и заслуживает смерти, то тем более, кто попирает сына божия»⁴. Таким образом, эта восходящая к церковно-канонической практике черта определенно оказывала известное влияние не только на организацию русского монашества⁵, но и на русскую правовую практику (по крайней мере с первых десятилетий XV в.). Решающее значение показаниям двух-трех свидетелей придает ст. 57 Псковской Судной грамоты (процесс оформления которой приходится на 1390—1460-е годы): «А кто возмет пристава у князя или у посадника обыскивати татбы, ино князю и посаднику пристава отпустить люди добрые неизменны, а тым приставом, где будет татба, обыскивати. А толко те пристава рекут то слово: „приехали есмы на двор татбы обыскивати, — и тот человек не дал обыскивати и в хоромы нас не пустили, и з двора согнали“, и тот человек, кого было обыскивати, а молвит то слово: „у мене, господо, теи пристава не бывали“, или той же человек возмолвит то слово: „были той есть у мене те пристава, а яз есми им хоромы отворял, и они мене не обыскиваючи, да сами з двора збежали, а тым мене згонением облычают“, — ино князю и посаднику опросить приставов, „есть ли у вас исправа какова на том, пред ким вас тот человек з двора согнал“, ино приставам на се поставити люди человека два или три. А ты люди, став на суде рекут, как право пред богом: „пред нами тот человек тех приставов с двора согнал, а обыскивати им не дал“, — ино тым приставом правда дати, а тот человек в татбе или паки тии пристава ино тии пристава не в пристава, а тот татбы своеи не доискался, чи таковий пристава»⁶. Мы не исключаем, что включение в ст. 57 нормы, делающей

³ Суворов Н. С. О церковных наказаниях: Опыт исследования по церковному праву. СПб., 1876. С. 24; *Заозерский*. Церковный суд в первые века христианства. Кострома, 1878. С. 40—42; *Красноярский Ф. С.* Сакраментальный элемент в христианском богослужении в первые три века // Православный собеседник за 1914 год, ноябрь. С. 492—493, 508.

⁴ Ср.: *Иконников В. С.* Опыт исследования о культурном значении Византии в русской истории. СПб., 1868. С. 414.

⁵ Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1, № 292. С. 532—533; Русский феодальный архив XIV—первой трети XVI века (далее: РФА). М., 1986. Ч. I, № 18. С. 101.

⁶ Памятники русского права. (Далее: ПРП). М., 1953. Вып. II. С. 293—294. Текст ст. 57 искажен: по вероятному предположению А. А. Зимина (ПРП. Вып. II. С. 360), после слов: «тии пристава», возможно, читалось: «а не поставят людей».

необходимым присутствие нескольких свидетелей при приставе, возникло не без влияния послания во Псков митрополита Фотия, относимого нами к 24 сентября 1427 г.: глава русской церкви требовал не осуждать псковских священников «без двою или без триех свидетелей достоверных»⁷. Послание Фотия могло оказать (хотя мы и не решаемся настаивать на этом предположении) известное влияние на работу псковских юристов, постепенно пополнявших новыми статьями свод действующего псковского права.⁸

В дальнейшем (во всяком случае, к моменту оформления Судебника 1497 г.) сфера применения в суде нормы, согласно которой показаний двух-трех свидетелей оказывалось достаточно для решения дела в пользу того, кто этих свидетелей представлял, по-видимому, расширилась. Это видно из сопоставления некоторых постановлений Псковской Судной грамоты с теми статьями Судебника 1497 г., которые имеют первые своим источником:

Псковская Судная грамота⁹

Ст. 46. А которой человек у человека знает свое что изгибшее, а тому молвит то слово: «купил еси на торгу, а того же еси не знаю, у кого купил»,— ино ему правда дать на том, что чисто будет на торгу купил, а с татем не поделился, а не поставит его, а сам не украл, ни половицы не было будеть — ино тут не допскался.

Ст. 56. А также, кто купил на торгу, а у кого купил, не знает его, а людем будет добрым ведомо, а у него имаются человек 4 или 5, скажут, како право пред богом: «пред нами в торгу купил»,— ино той прав, у кого имаются, и целованья ему нет; а не будет у коего свидетелей, ино ему правда дати, а тот не доискался.

Ст. 47. А кто што купил на чужей земли или на городе, или найдеть где, а кто поймается толко,— ино тот судить, как в торгу.

Судебник 1497 г.⁹

Ст. 46. А кто купит на торгу что ново, опроче лошади, а у кого купит, не зная его, а будет людем добрым двема или трема ведом и поймаются у него, и те люди добрые скажут по правду, что пред ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поймались и целованья ему нет.

Ст. 47. А кто купит на чужей земли что, а поймаются у него, и толко у него свидетелей два или три люди добрые скажут по праву, что перед ними купил в торгу, ино тот прав, у кого поймались, и целованья ему нет; а не будет у него свидетелей, ино ему правда дати.

⁷ РФА. М., 1987. Вып. III, № 131. 1. С. 477. Грамота датирована 24 сентября; в ней упомянуто три псковских собора — св. Троицы, св. Софии, св. Николы, — последний из которых возник в 1417 г. Отсюда датировка грамоты периодом между 24 сентября 1417 г. и 24 сентября 1430 г. (в начале июля 1431 г. Фотий скончался). Считать наиболее вероятной датой указанной грамоты 24 сентября 1427 г. нас побуждает сопоставление ее начальной части с начальной частью послания Фотия во Псков, определенно датированного 23 сентября 1427 г. (РФА. М., 1987. Вып. II, № 122. С. 410): вступительная часть обоих посланий буквально совпадает, что наводит на мысль об их составлении приблизительно в одно и то же время.

⁸ О складывании текста Псковской Судной грамоты см., например: *Алексеев Ю. Г.* Вопросы истории текста Псковской Судной грамоты // ВИД. Л., 1979. Вып. XI. С. 48—68; *Он же.* Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 3—12.

⁹ ПРП. Вып. II. С. 292; Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952 (далее: Судебники). С. 26, 81—82 (коммент. Л. В. Черепнина); *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. II. С. 371—372.

Легко заметить, что, будучи основанными на постановлениях Псковской Судной грамоты, ст. 46 и 47 Судебника 1497 г. перерабатывают свой источник именно в том отношении, что называют достаточным наличие двух или трех свидетелей, т. е. того их количества, которое предусмотрено церковно-каноническими традициями в качестве необходимого при публичной проповеди или публичном обличении.

Показания двух-трех свидетелей считались необходимыми при следственном обыске преступников. Причем они практиковались не только для разоблачения еретиков (русские церковные иерархи конца XV в. указывали на необходимость найти двух-трех еретиков с тем, чтобы те указали на других отступников от веры)¹⁰, но и при розыске разбойников светскими (губными) судьями XVI в.: «А на которого человека *говорят языки два или три* (курсив мой. — Г. С.), а в обыску ево половина добрым человеком назовут, а другая лихим человеком, а, пытан, сам на себя не учнет говорить, а после того прибудет на него иное лихое дело в розбое или в татбе, и того казнити. А на обыскных людех, которые его одобрили, *взять выть*» (ст. 4 губного приговора от 18 января 1555 г.)¹¹.

Как нам представляется, в губном праве XVI в. отражено модифицированное влияние канонической традиции. Ведь если это были 2—3 свидетеля при том, кто обличал, поучал и т. д., то прибавление последнего к 2—3 свидетелям давало уже иные цифры — 3—4 свидетеля. И это количество послухов действительно фигурирует в губной документации XVI в. Согласно уже известному нам губному приговору от 18 января 1555 г. (ст. 10), губные целовальники должны были передавать сведения губным старостам о приехавших в их губу преступниках в присутствии трех-четырёх свидетелей, которые в случае необходимости могли бы подтвердить, что соответствующему губному старосте действительно сообщено об имеющихся в его губе преступниках: «У которых губных старост языки говорят в ыные города и в ыные губы, и те губные старосты посылают к тем губным старостам не с одними грамотами, чтоб тех к ним людей, на которых у них языки говорят, присылати ставити их съ языки с очей на очи, и те губные старосты с тех людей к тем к губным старостам не посылают и грамот их не слушают, и о том старостам меж себе ссылатись, а посылать им меж себя целовальников з грамотами. А целовальники б те грамоты отдавали старостам, взяв с собою сторонних людей, человек *трех или четырех добрых* (курсив мой. — Г. С.); и те старосты к ним против того в том не отпишут, и по тех старост посылати с Москвы приставов, а велеть их ставити перед бояры с тем целовальником, которой з грамотою послан, и с теми людьми, перед которыми людьми грамоту отдал, ставити с очей на очи. И скажут те люди, *человека три или четыре* (курсив мой. — Г. С.), что перед ними целовальник губным старостам грамоту отдал, и с теми людьми суда не дати. И которые губные старосты тех людей не припишут, а в те поры разбойники утекут, ино половина вытей имати на тех, которые упустили, а другая на тех, которые не прислали»¹². В 1580-х го-

¹⁰ Послания Иосифа Волоцкого. М.; Л., 1959. С. 164, 171, 176, 178.

¹¹ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI—первой половины XVII в. (далее: ЗАРГ). Л., 1986. Вып. 1, № 6. С. 33. Указанная норма отразилась в губных наказах второй половины XVI в. См.: Наместничьи, губные и земские уставные грамоты Московского государства. М., 1909 / Изд. подг. А. И. Яковлев. (Далее: Яковлев). № 7. С. 72; № 8. С. 76—77; № 9. II. С. 85; Памятники русского права. М., 1956. Вып. IV. С. 183; Зимин А. А. Губные грамоты XVI века из Музейного собрания // Записки отд. рук. ГБЛ. М., 1956. Вып. 18. С. 219, 223, 227.

¹² ЗАРГ. Вып. 1, № 6. С. 34.

дах губные суды придавали важное значение показаниям трех-четыре разоблаченных преступников: «А в котором деле поимано будет розбойников и татей человека по три и по четыре (курсив мой. — Г. С.) или болши, а учнут говорити в розбоих и в татьбах на одних людей, и губному старосте тех розбойников и татей велети казнити же»¹³.

В целом нам представляется очевидным, что восходящая к церковно-канонической традиции практика послушества двух-трех свидетелей определенно реализовывалась в русском светском законодательстве XV—XVI вв.

Другим примером применения канонических принципов в русском светском законодательстве, на наш взгляд, можно с немалой степенью вероятности считать постановление о трехлетнем сроке исковой давности. Это постановление отражено в ст. 63 Судебника 1497 г. и в ст. 22 «Правосудия митрополичьего» (памятника второй половины XV в.): «А взыщет боярин на боярине, или монастырь на монастыре, или боярской на монастыре или монастырской на боярине, ино судити за три годы, а дале трех годов не судити. А взыщет черной на черном, или поместник на помещике, за которым земли великого князя, или черной или сельской на помещике, или помещик на черном и на сельском, ино судити по тому ж за три годы, а дале трех годов не судити.

А взыщут на боярине или на монастыри великого князя земли, ино судити за шесть лет, а дале не судить. А которые земли за приставом в суде, и те земли досуживати» (ст. 63 Судебника 1497 г.), «А что ся деяло за 3 годы, того не искати судом, ни что деялся при ином князи ли властелине, того не искати» (ст. 22 «Правосудия митрополичьего»)¹⁴.

Решение вопроса об источнике предусматривающей трехлетний срок исковой давности нормы затруднительно прежде всего потому, что в русской правовой практике соответствующая норма никогда не реализовывалась — ни до принятия Судебника 1497 г., ни после него¹⁵. Для ряда княжеских соглашений XIV—XV вв. характерная формула, фиксирующая бессрочность исков — «суд от века»¹⁶. Иногда, правда, оговаривалось ограничение исков по некоторым делам каким-то временем — «от первого целования», «дотоле, как есмя целовали крест», «пеня давняя и в ратное время», «по приставленью отца моего, великого князя Дмитрея Ивановича», «что были межи нас в наше нелюбие войны и грабежи», «по наше первое докончанье», «по твой приезд ко мне к великому князю», «от того времени, как дядя твой, великий князь Витовт, князя Глеба на Смоленску посадил», «от того времени, как дядя наш, великий князь Витовт, последнее Смоленск взял под Юрьем», «как твой дед, князь велики Дмитрий Иванович, к богу отшел», «по преставлению отца нашего великого

¹³ Яковлев. № 9. II. С. 86—87

¹⁴ Судебники XV—XVI веков. М.; Л., 1952. С. 27; Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI веков. М., 1964. Т. III, № 8. С. 23.

¹⁵ Энгельман И. Е. О давности по русскому гражданскому праву. СПб., 1901. С. 47—49; Юшков С. В. Судебник 1497 года // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского. 1926. Т. V, вып. 3. С. 30.

¹⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. № 9. С. 28; № 15. С. 42; № 37. С. 106; № 40. С. 124; № 42. С. 124; № 43. С. 126; № 44. С. 128; № 48. С. 148; № 55. С. 166; № 59. С. 188; № 63. С. 204; № 64. С. 209; № 65. С. 215; № 66. С. 216; № 67. С. 218; № 69. С. 227; № 70. С. 234; № 72. С. 254; № 75. С. 270; № 79. С. 295; № 81. С. 318; № 82. С. 325.

князя»¹⁷. Отсутствие единообразия во временных ограничениях по искам, по справедливому замечанию И. Е. Энгельмана, говорит об отсутствии на Руси XV в. сколько-нибудь определенного понятия об исковой давности¹⁸. Отраженные в некоторых источниках XV—XVI вв. попытки установить какой-либо срок давности по земельным тяжбам (известны ссылки на 4,5,15-летние сроки давности, очень редкие случаи отклонения исков на том основании, что прошло 6, 7, 8, 20 лет)¹⁹ не оказывали практически никакого влияния на правовую практику средневековой Руси.

По мнению С. В. Юшкова, устанавливая трехлетний срок давности по земельным делам, «правительство стремилось как можно скорее ликвидировать земельные споры в присоединенных к Москве землях, где существовали различные представления о давности и различные сроки. Установление же трехлетнего срока объясняется тем, что использование земли в течение севооборота (трехлетнего) является фактом, в достаточной степени свидетельствующим о полном хозяйственном овладении данного участка»²⁰.

Соображение о стремлении правительства посредством введения узаконения о трехлетнем сроке исковой давности как можно скорее ликвидировать поземельные споры само по себе, несомненно, интересно, но не дает ответ на вопрос об источнике этой нехарактерной для русского права нормы, которая к тому же, повторим, на практике не реализовывалась. Между тем норма, предусматривающая трехлетний срок исковой давности, недвусмысленно формулировалась в имеющем широкое хождение на Руси памятнике — Кормчей. Согласно 119-му правилу Карфагенского собора: «Обращаяй на правоверие и держав три лета обращенную им страну, без осуждения им есть и обращаяся епископ от донатиян аще прежде скончания трех лет, отнеле же обратися възыщет своего, и да возмет. Толкование. Прежде убо царскаго закона, якоже и во 117 правиле писано есть, аще который епископ от ереси некия на правоверие обратит предел некий, оттоле да владеет им. И не может епископ, под ним же бе правление предела того, възыскати его по царстем же законе, иже того ради изложен бысть. Изволиша отца собора сего епископу, обратившему на правоверие предел некий держати три лета и обладати им. И аще не воспомянет его кто, ни възыщет за три лета, по трех же летех, и аще есть епископ, хотя възыскати его и за три лета умолча и не воспомяну о нем, оттом, аще и възыщет, не возмет его, но да держит и без боязни епископ, обративый его на правоверие. Аще же вдова есть церковь и не имущи епископа, под нею же бе предел той, обративыйся на правоверие, не спакостит ей переход времени искати своего предела. Но аще будет поставлен в ней епископ, по поставлении прежде скончания трех лет да възыщет предела своя церкви. Но аще и предел некий донатиянский епископ к соборней церкви обратится и за много время обладает им епископ, обративый его на правоверие, потом же приступит к единению веры соборная церкве и донатиян-

¹⁷ См.: Там же. № 9. С. 28; № 10. С. 30; № 15. С. 41; № 19. С. 54; № 24. С. 65; № 33. С. 86; № 34. С. 88; № 35. С. 91; № 47. С. 144—145; № 52. С. 157; № 53. С. 161; № 54. С. 164; № 59. С. 188; № 63. С. 203; № 66. С. 216; № 76. С. 286.

¹⁸ Энгельман И. Е. О давности. . . С. 32—44.

¹⁹ Юшков С. В. К древнейшей истории института давности по русскому праву // Учен. зап. Вsesоюзного ин-та юрид. наук Мин-ва юстиции СССР. М., 1947. Вып. 5. С. 142—144; Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV—XV веков. М., 1951. Ч. II. С. 375—376; Судебник. С. 100—104 (коммент. Л. В. Черепнина).

²⁰ Юшков С. В. Судебник 1497 г. С. 30.

ский епископ его же бе предал, достоин ему прежде кончания трех лет взяти предел своая церкви престола»²¹.

В данном правиле сформулирован как раз тот самый принцип трехлетнего срока исковой давности (епископ, обративший к православию еретическую область и удерживающий ее в течение 3 лет, в дальнейшем сохраняет власть над ней), который отразился в «Правосудии митрополичьем» в Судебнике 1497 г. Не возникла ли у русских светских юристов мысль о трехлетнем сроке исковой давности под влиянием церковно-канонических правил? Положительный ответ на этот вопрос, на наш взгляд, совсем не исключен. Если принцип трехлетнего срока исковой давности действительно проник в русское право под влиянием церковно-канонической традиции, то следует признать, что последняя, будучи провозглашена в русском светском законодательстве, на практике могла и не реализовываться (постановление о трехлетнем сроке исковой давности, сформулированное в «Правосудии митрополичьем» и в Судебнике 1497 г., повторим, на практике не реализовывалось).

Настоящей заметкой мы хотели обратить внимание на церковно-каноническую традицию, пришедшую к нам из Византии, как на один из источников не только русского церковного, но и русского светского права. Она не была, конечно, определяющей. Однако она действовала, и мы постарались обратить внимание на те аспекты русского права, которые, по нашему предположению, логичнее всего было бы связать именно с ее влиянием. Возможно, дальнейшие исследования выявят и другие примеры влияния канонической традиции на русское светское законодательство.

Наличие следов церковно-канонической традиции в русском светском праве XV—XVI вв. наводит на мысль об участии церковных иерархов в разработке и принятии решений, связанных с вопросами не только церковного, но и светского законодательства. И это не должно удивлять. Ведь со времен принятия Русью христианства у нас были широко распространены совместные заседания членов княжеской Боярской думы и представителей Освященного собора, на которых решались важнейшие вопросы и светского и церковного законодательства. А это значит, что светские сановники неизбежно участвовали в решении вопросов, связанных с устройством церкви, а церковные иерархи — в решении государственных вопросов²². Совместные заседания Боярской думы и Освященного собора составили основу, на которой впоследствии (с середины XVI в.) возник институт Земских соборов (он состоял их трех частей — Боярской думы, Освященного собора, выборных представителей от сословий), где рассматривались важнейшие государственные вопросы, в том числе и вопросы светского законодательства.

²¹ Кормчая / Напечатана с оригинала патриарха Иосифа. М., 1912. Первая пол. Л. 133 об.—134 об.

²² См., например: *Латкин В. Н.* Земские соборы древней Руси. М., 1884. С. 23—25; *Сергеевич В. И.* Разбор сочинения В. Н. Латкина «Земские соборы древней Руси». СПб., 1885. С. 2, 8; *Дьяконов М. А.* Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1910. С. 484—485; *Пресняков А. Е.* Московское царство. Пг., 1918. С. 50, 74; *Тихомиров М. Н.* Сословно-представительные учреждения (земские соборы) в России XVI в. // ВИ. 1958. № 5. С. 8, 9; *Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М., 1978. С. 58, 62.